

Міністерство освіти і науки України
Одеський національний університет імені І. І. Мечникова
Кафедра історії стародавнього світу та середніх віків
Одеський археологічний музей
Національної академії наук України
Відділ археології Північно-Західного Причорномор'я
Інституту археології Національної академії наук України
Державний архів Одеської області
Грецький фонд культури (Одеса)

СТАРОДАВНЄ ПРИЧОРНОМОР'Я

Випуск XI

Одеса
ОНУ
2016

УДК 9(4-11)"632/1789"
ББК 63.3(4,5)2/5
С773

Рекомендовано до друку рішенням Вченої ради
історичного факультету ОНУ імені І. І. Мечникова.
Протокол № 5 від 17 лютого 2016 р.

Стародавнє Причорномор'я. Випуск XI / Голов. ред. І. В. Немченко. –
Одеса: Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,
2016. – 610 с.

Збірка «Стародавнє Причорномор'я» складена на основі матеріалів XI читань пам'яті професора П. Й. Каришківського, міжнародної конференції, яка відбулась в ОНУ імені І. І. Мечникова 11–13 березня 2016 р. Випуск містить статті з проблем нумізматики, історії та археології Північного Причорномор'я, античної та середньовічної історії, візантинознавства, історії Європи раннього модерного часу, історіографії тощо. I–X випуски збірки виходили під назвою «Древнее Причерноморье».

Рецензенти:

Бруяко І. В. – д.і.н., директор Одеського археологічного музею НАНУ;
Довгополова О. А. – д.ф.н., професор кафедри філософії природничих факультетів ОНУ імені І. І. Мечникова.

Редакційна колегія:

Немченко І. В. – к.і.н., зав. кафедри історії стародавнього світу та середніх віків ОНУ імені І. І. Мечникова, головний редактор;
Дьомін О. Б. – д.і.н., зав. кафедри нової та новітньої історії ОНУ імені І. І. Мечникова;
Дзиговський О. М. – д.і.н., професор кафедри археології та етнології України ОНУ імені І. І. Мечникова;
Кушнір В. Г. – д.і.н., декан історичного факультету ОНУ імені І. І. Мечникова;
Луговий О. М. – к.і.н., доцент кафедри історії стародавнього світу та середніх віків ОНУ імені І. І. Мечникова, зам. головного редактора;
Булатович С. А. – к.і.н., доцент;
Охотніков С. Б. – к.і.н., зам. директора Одеського археологічного музею НАНУ;
Руссов М. Д. – доктор хабілітат історії, професор Вищої антропологічної школи (Кишинів, Молдова);
Самойлова Т. Л. – к.і.н., зав. Відділом археології Північно-Західного Причорномор'я Інституту археології НАНУ;
Сминтина О. В. – д.і.н., зав. кафедри археології та етнології України ОНУ імені І. І. Мечникова;
Сорочан С. Б. – д.і.н., зав. кафедри історії стародавнього світу та середніх віків Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.

ISBN 978-617-689-159-8

© Колектив авторів, 2016

© Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, 2016

¹⁵ Псевдо-Плутарх. Мнения философов // Человек. – 1998. - № 3 – 6. – 1999. – № 1. – Кн.1, 6: «Откуда у людей возникло представление о богах?»: «Люди получили представление о нем [божестве – П.М.] прежде всего на основании красоты явлений, так как ничто прекрасное не возникает произвольно и случайно, но является результатом некоего творчества».

¹⁶ Ум к Гермесу, 22 // Высокий герметизм: Гермес Трисмегист / Пер. с древнегреч. и лат. Л. Ю. Лукомского. – СПб., 2001: «Скажешь ли теперь: «Бог есть невидимый»? Не говори так; кто же более явный, чем он? Если он создал всё, так это для того, чтобы ты мог видеть его во всём сущем».

¹⁷ PG 76 - col. 579: «Невозможно научиться познанию бога, но оно даётся людям от природы...».

¹⁸ Ядовитый сарказм по поводу использования Юлианом Гесиода есть и у Григория Назианзина: См.: Слово 5. Второе обличительное слово на царя Юлиана // Григорий Богослов. Собрание творений в 2-х томах / Пер. с древнегреческого Московской духовной академии. – Т.1. – Мн.–М., 2000. – [Электронный ресурс]: http://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Bogoslov/slovo/5.

¹⁹ PG 76. – Col. 582.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid. – Col. 583.

²² Ibid.

А. Е. Малюкевич, С. Н. Гизер (Одесса)

ДОМУСУЛЬМАНСКИЕ ЧЕРТЫ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ НОГАЙСКОГО МОГИЛЬНИКА У с. МОЛОГА

В результате раскопок кургана № 2 у с. Молога Белгород-Днестровского р-на Одесской обл. было исследовано 165 погребений, из них 142 погребения кочевников ногайцев¹.

Мы хотим остановиться на особенностях погребальной обрядности у ногайцев.

Подобные могильники раскапывались около сёл Нерушай, Новоселица, Кочковатое, Траповка, Лиман, Мирное. Кроме 142 погребений из кургана Молога 2 и двух погребений в кургане Молога 1, по данным А.О. Добролюбского, в Буджакской степи открыто около 600 погребений номадов в могильниках и почти столько же одиночных².

Ногайский могильник у с. Молога был впущен в насыпь кургана эпохи бронзы. Погребения расположены широкой в 30 м полосой в направлении СЗ–ЮВ и прослежены в длину на 40 м. К СЗ и ЮВ, вне площади кургана, могильник переходит в грунтовой некрополь и имеет продолжение.

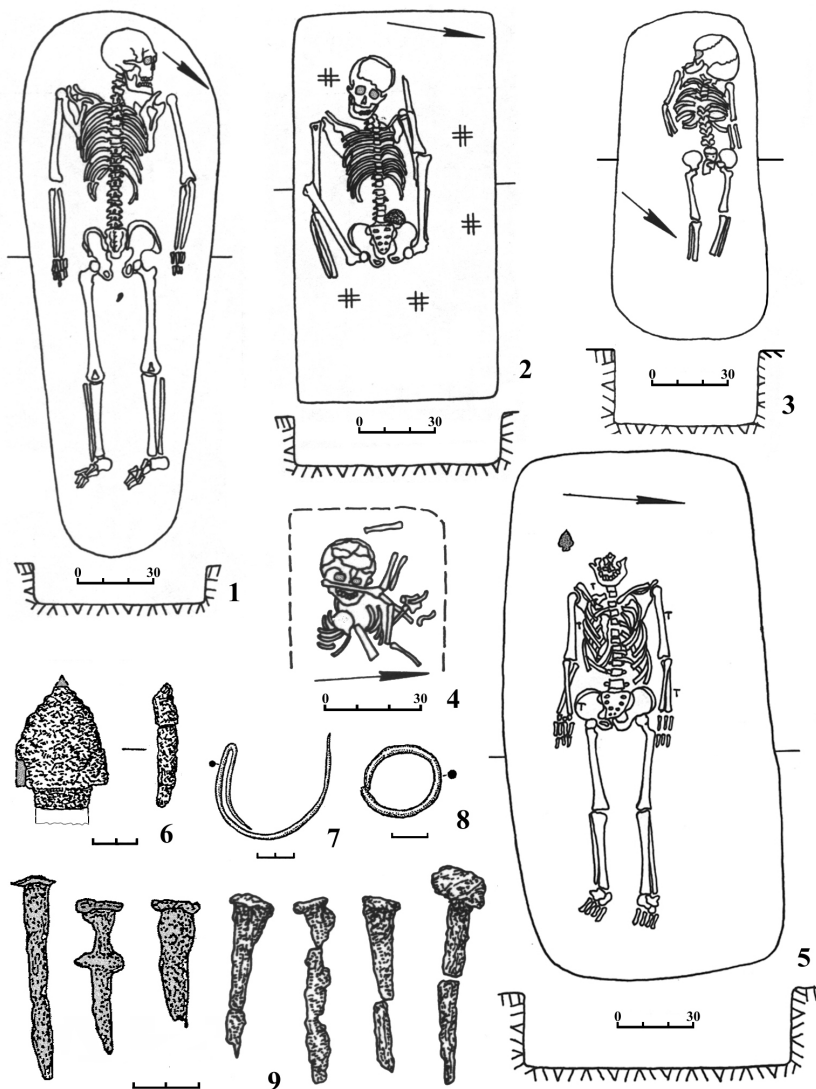

Рис. 1. Неординарные ногайские погребения из кургана Молога № 2. 1-погр. 75; 2-погр. 74; 3-погр. 143; 4-погр. 88; 5-погр. 145; 6- дротик железный из погр. 145; 7-браслет железный из насыпи; 8-кольцо бронзовое из погр. 135; 9-гвозди железные из погр. 50, 156.

Костяки уложены вытянуто на спине, головой на З или ЮЗ. Из 118 определяемых положений черепа в 68 – он обращен лицевой частью вправо на ЮЮЗ (в сторону Мекки), в 42 – направлен вверх, а в восьми – повернут влево. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги прямые, но у 11 взрослых и у 2 детских скелетов правая или левая нога слегка согнута в колене, при этом у шести – левая рука покоится на тазе. У шести погребенных ноги расположены ромбом. В северной части кургана выявлено несколько костяков с широко раздвинутыми в стороны ногами. Вполне вероятно, что это захоронения умерших при родах женщин. На это указывает погребение № 83, где в области таза обнаружены кости плода младенца³.

30% всех погребений принадлежало подросткам и младенцам, которые концентрировались в южных и западных полах кургана, образуя небольшие группы по 3–6 захоронений. Могила располагалась чёткими рядами по линии СЗ–ЮВ. Но выделяется несколько групп с более плотной концентрацией погребений, а в южном и западном секторах кургана отмечено скопление могил с чёткой ориентировкой З–В⁴.

Такую планировку можно объяснить особенностями обряда. По этнографическим данным известно, что у ногайцев в похоронном обряде вплоть до XX в. сохранялся обычай погребения родственников на отдельном кладбище или выделенном родовом участке на общем кладбище. Аналогичный порядок зафиксирован и у других тюркоязычных народов. В недалёком прошлом среди киргизов сохранялся обычай погребения на особых кладбищах членов одного родового клана; нередко и сейчас можно встретить захоронения в одном месте членов небольшой семейно-родственной группы⁵.

Практически все погребения безынвентарные. В насыпи кургана и погребениях были найдены: одновитковый железный браслет, железные четырёхгранные в сечении гвозди. В погребении № 135 обнаружен продолговатый конусовидный предмет из свёрнутого в трубку тонкого листа железа, маленький обивочный железный гвоздик и бронзовое височное кольцо из круглой проволоки. В могилу № 145 поместили наконечник железного дротика (рис. 1,5–9). В насыпи кургана был найден серебряный денарий императора Священной Римской империи Максимилиана II (1564–1576) (определение Т.Н. Кокоржицкой, рис. 2,1).

Кроме того, что все погребения в моложском могильнике были совершены по обряду положения усопшего на спину, в отличие от норм мусульманской традиции захоронения умершего на правом боку,

зафиксированы и отдельные нестандартные захоронения, выпадающие даже из этого общего ряда.

Аномальным выглядит захоронение № 74, где погребенная пожилая женщина лежала на спине головой на юго-запад, череп обращён лицевой частью вверх с наклоном влево, но ноги вывернуты и брошены за плечи. На таз был положен камень, дно ямы покрывал тёмно-коричневый тлен. Сходным является и погребение ребёнка № 88 ориентированным головой на З: костяк на спине в скорченном положении, таз на грудной клетке, кости ног брошены за голову (рис. 1, 2, 4)⁶. Такое положение умерших сложно объяснить с точки зрения классического мусульманского похоронного обряда, но обычай класть покойнику камень на живот зафиксирован у народов Северного Кавказа.

Выделяется из общей массы и захоронение № 75, где мужчина уложен вытянуто на животе (ничком), головой на ЮЗ, череп обращён лицевой частью влево, а позвоночник перебит при жизни. Рядом, в точно таком же положении, но без кистей рук и стоп ног, совершенно захоронение ребенка (рис. 1,1,3)⁷. В погребениях кочевников С-З Причерноморья известны подобные случаи – погр. № 2 в кургане у с. Зернешты (Молдова) и в могильнике Дракуля⁸.

Вероятно, корни подобного обычая надо искать в Центральной Азии. Так, якуты для защиты от нападения самоубийц, которые, как считалось, после смерти превращались в злых духов, хоронили их лицом вниз. Якуты считали, что люди, умершие не своей смертью, становятся злыми духами, поэтому их связывали, хоронили лицом вниз, не снабжая вещами и едой. Самоубийц сагайцы хоронили отдельно, считая, что им не место на общем кладбище. Видимо, близок по содержанию к якутскому обычай тувинцев: новорождённых младенцев-уродов тувинцы убивали и закапывали в землю. Трупик клали лицом вниз и сверху на него набрасывали шкуру барана. После похорон уродца все откочёвывали с этого «нечистого» места⁹. Меры предосторожности принимались и при похоронах умерших насильственной смертью. В погребение человека со следами ранений на черепе были положены пустой колчан и налучник без лука. Такие погребения тюрок Сибири отражают отношения кочевников к насильственной смерти и самоубийству.

В этой связи привлекает внимание погребение № 145 – единственное погребение с оружием, выявленное в восточном секторе кургана. Костяк взрослого человека был уложен вытянуто на спине головой на запад. Голова направлена лицевой стороной вверх, верхняя часть черепа отсутствует. По всей видимости, погребенный был

изначально захоронен без верхней части черепа. Возле правого плеча найден железный наконечник дротика. На дне ямы обнаружены пять кованых железных гвоздей и прослежены отпечатки истлевших деревянных плах от носилок¹⁰. В данном случае здесь можно говорить о предохранении от злого духа умершего не своей смертью воина – для этого в могилу и был положен наконечник дротика без древка.

Интересной деталью погребального обряда могильника является также наличие останков вертикально вкопанных кольев или шестов, что указывает на существование специальных надмогильных знаков-реперов, неприсущих мусульманским обрядовым нормам. Видимо здесь проявился широко известный у многих тюрко-монгольских народов обычай развешивать лошадиные головы и шкуры на могилах.

Автор XVIII в. И. Тунманн отмечает, что у ногайцев сохранилось много суеверий языческих монголов: они все еще вешают лошадиные головы на заборы¹¹. Традиция хоронить с покойником коня или его часть восходит к древним временам и зафиксирована у многих кочевых народов. Известны многочисленные средневековые погребения с конём у гуннов, тюрко-болгар, печенегов, половцев, торков и др. Впоследствии эта традиция переродилась в обычай вешать на жерди лошадиные головы и имела широкое распространение у народностей Алтая, бурят, монголов, чувашей, марийцев и др.¹².

У Ибн-Фадлана есть описание этого обычая у огузов. «Возьмут его лошадей и в зависимости от их численности убьют из них сто голов, или двести голов, или одну голову и съедят их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста. И, право же, они растягивают [все] это на деревянных сооружениях и говорят: – это его лошади, на которых он поедет в рай»¹³. Возможно, к подобному пиршеству относится небольшая ямка № 137, отстоящая несколько в стороне от могил, в которой обнаружены остатки головы коровы¹⁴.

Обертывание покойника в саван (кебин) считается мусульманским обычаем. Во многих погребениях Моложского кургана найдены камни на уступах, расположенных у головы и ног, которыми, вероятно, прижимали саван, чтобы за него не засыпалась земля, как того требует ислам. Наличие в погребениях деревянных носилок также можно отнести к мусульманскому обряду. Однако такая же традиция наблюдается у немусульманских народов коми, тувинцев и др. То же можно сказать и о подбое в могиле (алагат) – аналогии встречаются в погребениях кочевников начиная с сармато-аланов.

В отдельных случаях покойников хоронили в гробах или помещали в погребальную яму вместе с носилками, о чем свидетельствуют наличие деревянных плах и железные гвозди с

остатками дерева¹⁵. Этот же обряд прослежен и в Моложском кургане № 1, расположенном в 1 км СВ от кургана № 2¹⁶. Там обнаружены два ногайских погребения в гробах из деревянных плах, скрепленных гвоздями, что не соответствует канонам ислама.

Ногайцы укладывали покойников не на боку, как того требует ислам, а по обряду, зафиксированному у многих тюркских народов, – на спине, головой на запад. Но лицо покойника разворачивали на юг – в сторону Каабы (Мекки), что соответствует мусульманской традиции. Правда иногда голову могли поворачивать и в противоположную сторону, но все же в большинстве захоронений Буджака, приписываемых ногайцам, покойник был сориентирован лицом на юг. Большинство ногайских захоронений введено в насыпи курганов предыдущих эпох, что не соответствует исламским традициям, – допускались лишь небольшие насыпи, обозначающие могилу.¹⁷

Исламскими чертами погребального обряда следует назвать: подбой с южной стороны могилы, обертывание покойника в саван, разворот черепа покойного лицом на юг, отсутствие инвентаря в могилах. К домусульманским или тюркским, языческим обычаям относятся: захоронение покойника на животе; наличие в погребении предметов быта и оружия, установка над могилами чучела или головы лошади, досыпка кургана над могилой. Но всё же погребения в целом отвечают мусульманским канонам. Наблюдается существенное вытеснение тюркской погребальной обрядности. От тюрок сохранились лишь положение покойного на спину, курганные насыпи и обычай класть украшения, оружие и другие предметы в могилу. Корни такой традиции мы можем найти в погребальном обряде кочевников Северного Причерноморья в эпоху Золотой Орды.

Ногайские селища на правом берегу Днестровского лимана появляются в конце XV в. в связи с османской экспансией на земли Молдавского государства. Письменные источники указывают на то, что земли вдоль Днестра были переданы султаном крымскому хану Менгли-Гирею (1475–1514). Согласно информации крымско-татарской хроники: «Когда его величество Баезид-хан воевал Молдавию и покорил Килию и Аккерман, Менгли-Гирей привёл ему на помощь 50 тыс. татар, в вознаграждение за что были пожалованы ему... многие селения на Днестре, принадлежавшие воеводе молдавскому»¹⁸.

В XV в. в документах Польско-Литовского государства, Великого Московского княжества и Крымского ханства появляются сведения о так называемых белгородских «казаках». Вероятно, отряды ногайских переселенцев «казаков» появились в Буджаке уже в первые годы турецкой оккупации края. Менгли-Гирей перевёл сюда часть

подданных большеордынского мангытского (ногайского) беклербека Тимура ибн Мансура, желая отдалить их от соплеменников – заволжских ногаев¹⁹.

До середины XVI в. зафиксировано несколько волн переселения ногайцев: в 80-х гг. XV в.; начало XVI в. – откочевка мангытов в Крымское ханство после разгрома Ших-Ахмеда в 1501 г.; перевод новых ногайских улусов за Днепр после победы Менгли-Гирея над ними 1509 г.; гибель Мухаммед-Гирея и ногайское наступление 1523 г.; реформы Сахыб-Гирея по принудительному оседанию на землю кочевых ногайцев.

Датировка. Денарий мог поступить с территории Молдавского государства, где они имели широкое хождение в конце XVI в. Также денарий мог попасть к буджакским ногайцам в связи с их участием в походах на Венгрию в составе войск крымского хана в ходе войны с Австрией в 1593–1606 гг. Известно, что 30-тысячное татарское войско принимало участие в 1594 г. в боевых действиях на территории Венгрии и штурме крепости Рааб²⁰.

Ближайшие аналогии исследованному погребальному комплексу можно найти в могильнике поздних кочевников – Лиман на северном берегу озера Хаджидер в Татарбунарском р-не Одесской обл. Он датирован турецкими акче Сулеймана Кануни (1520–1566) и также принадлежал буджакским ногайцам²¹.

Помимо того, при картографировании побережья Днестровского лимана от села Молога до с. Удобное на отрезке в 20 км выявлены четыре ногайских поселения и два могильника – у с. Веселое и Молога курган 2. Известно, что ставка «ялы-агасы» Буджака находилась в Хан-Кышла (совр. Удобное), но она уничтожена. Большие селища кочевников расположены у сел Семеновка (Сеймены), Пивденное (Сары-Яр), а обилие хозяйственных ям и керамики турецкого времени присутствуют в верхних слоях позднескифского поселения Молога II (рис. 2,2).

Исследования молодежского могильника дополнили данные о массовом присутствии ногайцев на побережье лимана. Уточнена датировка их появления в регионе. А анализ погребального обряда позволяет прийти к выводу о том, что он носил синкретический характер. В нем есть черты как мусульманской, так и тюрко-языческих традиций.

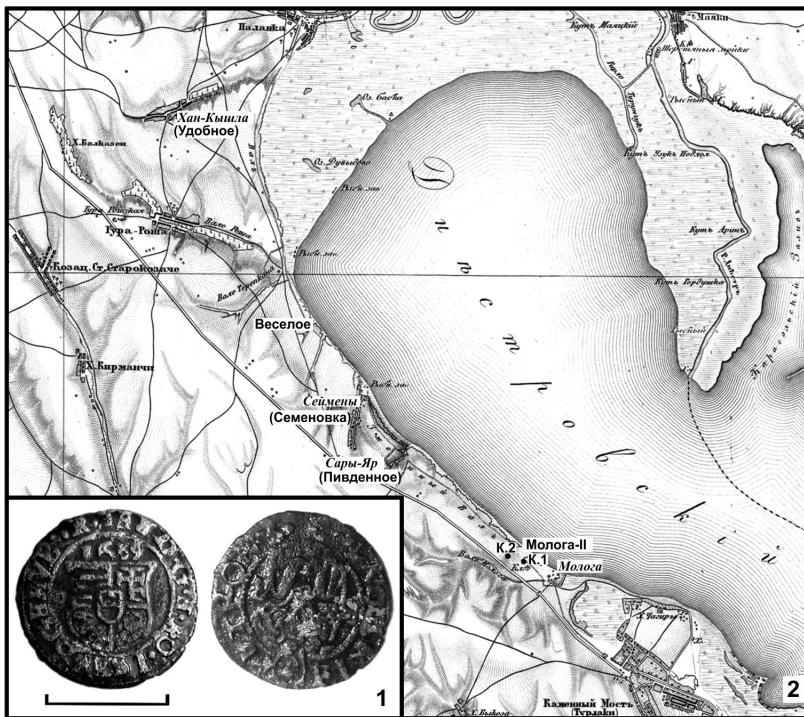

Рис. 2. 1- Серебрянный денарий императора Максимилиана-II (1564-1576). 2-Сставки, стойбища и могильники ногайцев Буджакской орды.

¹ Малукевич А.Е., Агульников С.М. Отчёт об охранных раскопках кургана № 2 у с.Молога в 2004 г. Белгород-Днестровский р-н Одесская область. Архив ОАМ НАН Украины. – Одесса, 2005. – С. 25–26; Малукевич А.Е., Агульников С.М. Раскопки кургана № 2 у с. Молога в Нижнем Поднестровье // *Revista arheologica. Serie noua. Volumul 1*. – Chisinau, 2005. – S. 193–211.

² Добролюбовский А.О., Смирнов И.О. Кочовики Південно-Західної України в Х–XVII століттях. – К.–Миколаїв, 2011. – С. 101.

³ Малукевич А.Е., Агульников С.М. Ногайский могильник в кургане № 2 у с. Молога на Нижнем Днестре // ДП. – Вып. IX. – Одесса. 2011. – С.279.

⁴ Малукевич А.Е., Агульников С.М. Раскопки кргана № 2... – С. 207.

⁵ Абрамзон, С. М Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Л., 1971. – С. 323.

⁶ Малукевич А.Е., Агульников С.М. Ногайский могильник... – С.279.

⁷ Там же. – С. 279.

- ⁸ Кетрару Н.А. Археологические исследования в Кагульском районе в 1958 г // Далёкое прошлое Молдавии. – Кишинёв, 1969. – С. 49; Добролюбский А.О. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. – К., 1986. – С. 105.
- ⁹ Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюрко-язычных народов Сибири. – М., 1980. – С. 183, 213.
- ¹⁰ Малюкевич А.Е., Агульников С.М. Отчёт об охранных раскопках ...– С. 42-43; Малюкевич А.Е., Агульников С.М. Раскопки кургана № 2...– Рис. 9.
- ¹¹ Тунманн И. Крымское ханство. – Симферополь, 1991.– С. 48.
- ¹² Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма: (с древнейших времен по XVIII в.). – Новосибирск, 1980. – С. 117, 179-180; Салмин А. Народная обрядность у чувашей. – Чебоксары, 1994. – С. 49-50.
- ¹³ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. – Харьков, 1956.– С. 128.
- ¹⁴ Малюкевич А.Е., Агульников С.М. Отчёт об охранных раскопках ...– С. 40.
- ¹⁵ Малюкевич А.Е., Агульников С.М. Ногайский могильник...– С. 284, рис 3, 5,6,8.
- ¹⁶ Гизер С.Н., Малюкевич А.Е. Ногайские погребения кургана № 1. в с. Молога // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднепровья. – Тирасполь, 2000. – С. 174–178, рис. 1.
- ¹⁷ Добролюбский А.О., Субботин Л.В., Сегеда С.П. Погребальные памятники Буджакской орды...– С.138; Худайбердыева О.А. К проблеме изучения религиозных верований ногайцев Буджакской орды // Спадщина Омеляна Прицака і сучасні гуманітарні науки. Матеріали міжнародної наукової конференції 28-30 травня 2008 року. – К., 2008. – С. 298–299.
- ¹⁸ Негри А. Извлечение из турецкой рукописи, содержащей историю Крымских ханов // ЗООИД. – Одесса, 1844.– Т.1.– С. 383.
- ¹⁹ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды.– М., 2002. – С. 450.
- ²⁰ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. – СПб., 1887. – С. 446.
- ²¹ Добролюбский А.О., Субботин Л.В., Сегеда С.П. Погребальные памятники Буджакской орды // Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья.– Кишинев, 1988.– С.131–145.